

Александр Самойленко

Родился в 1975 году в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), где живет и работает поныне. По специальности – системный администратор.

Писать рассказы и повести начал в двадцать два года. К своему творчеству относился не очень серьезно, поэтому писал «в стол». Некоторые рассказы выкладывал на портале «Проза.ру», но потом все оттуда удалил. Есть три законченные повести, пара десятков рассказов – это то, что писал ради своего удовольствия, нигде не публикуя, только для близких и друзей. Потом долгое время был творческий ступор. Сейчас ситуация изменилась – почти завершил большую повесть, состоящую, на первый взгляд, из разрозненных рассказов. Но эти рассказы сложным образом переплетаются друг с другом, в конце концов выявляя общий сюжет повести. Некоторые рассказы посылал на конкурсы. Два из них прошли отбор и напечатаны в сборнике новелл «Свободная энергия» издательства «Перископ-Волга» и в альманахе «Царицын» того же издательства.

Записки квантового человека

рассказ

Очень долго я не приступал к этим записям. Просто не знал, с чего начать. В голову лезло одно: «Жил да был...» Идиотизм, согласен. Разве захватывающая история должна начинаться с избитого клише? А рассказ обещает быть весьма интересным. Правда, и этот штамп слабо характеризует все, что случилось со мной... или с нами. Скажу так: это просто полный пи... ну, вы понимаете. В такую дичь вы однозначно не поверите. Ваш цепкий разум усомнится и спросит: «А где доказательства? Нету? Тогда сие невозможно, батенька!» Могу лишь слабо возразить: «Доказательство одно есть – я сам как результат эксперимента». Но это хиленький довод, потому что меня «как бы нет» – я не выставляю напоказ свое существование. А раз так, то какая разница, как начать эти писульки? Допустим, жил да был... ну, к примеру, сумасшедший ученый.

Все-таки вышло по сказочному сценарию: жил да был. Ну да ладно, не в этом суть. Разумеется, ученый был не по-настоящему «с ума сшедший», а так, любил иногда пофантазировать. Однажды он рассказал, как пришел к нашему эксперименту, как вообще додумался до такого. По его словам, первые цветочки начали распускаться еще в начале двухтысячных. Доктор случайно увидел отрывок из фильма о Ганнибале Лектере, ну, о том, которо-

го играл Энтони Хопкинс. Причем сцена, вдохновившая ученого, была не из первой, классической части эпопеи, а из второй, где злодей оказывается на свободе и начинает потакать людоедским инстинктам. В общем, Лектер поймал полицейского, который сидел у него на хвосте, и вскрыл преследователю череп. Сделал так называемую трепанацию. При этом жертва благодаря действию наркотиков оставалась в сознании. Затем Лектер стал отрезать бедолаге части мозга, жарить их на сковородке и скармливать самому подопытному.

Круто! Но для нашего ученого, опытного нейрохирурга, был интересен вовсе не процесс трепанации. Он таких операций понаделал множество за свою практику. Увлёк доктора иной вопрос: что ощущал подопытный?

Вот что происходило: пациент под скальпелем грамотного хирурга терял определенные участки мозга последовательно и быстро. По сути, он сходил с ума подобно тем, кто страдает Альцгеймером. Но больные лишаются рассудка годами и наверняка не замечают изменений в своем сознании. А этот пленник Лектера – совсем другое дело! Что он чувствовал? Что понимал в эти предсмертные минуты? Где была та грань, когда он перестал быть человеком, существом мыслящим и помнящим? Как выглядела черта, за которой его уже нельзя было назвать созданием Божьим с душой? И какую область мозга уничтожил Лектер в тот момент, когда душа исчезла?

О, сколько вопросов породила та сцена в голове нашего ученого! Именно тогда он начал сходить с ума, по-своему, хоть и незаметно. И венцом этого сумасшествия стал наш эксперимент. А в результате возник я – квантовый человек. Попробую объяснить, что это такое.

Начнем со второго определения: человек. Многие считают, что это понятие целиком изучено и не стоит о нем рассуждать. И авторы тематических книг, и их читатели задумываются о том, что есть «я». Чем является человек? Кого можно наградить этим званием, а кого не стоит? «Ты не человек!» – частое обвинение, звучащее из уст... Кого? Другого человека? Я не хочу заострять внимание на этом моменте. Уверен, вы и так хорошо разбираетесь в данном вопросе. Просто я хотел подчеркнуть, что «человек» – не такое уж четкое, а скорее, размытое понятие. И это понятие – один из ингредиентов квантового человека.

Да, пусть будет так – ингредиент. А теперь добавим ингредиент номер два – квантовость – и получим самый настоящий рецепт. Я его вам распишу, мне не жалко. Но сперва о «квантовости». На этом понятии строится самая непонятная физическая теория. В ней есть два утверждения, которые очень схожи с компонентами моего рецепта. Одно утверждение – о неопределенности. Представьте, что вы наблюдаете за неким субъектом и не можете точно описать, как он выглядит. На примере человека: усердно вспоминая цвет его глаз, вы начисто забываете форму носа. Ну, или наоборот. А в результате вы не можете составить точный фоторобот. Те, кто занимался этим делом, помогая сыщикам найти преступника, меня поймут. Ну а второе утверждение гласит, что субъект может находиться одновременно в двух состояниях. И тут возникает знаменитый кот, запертый в ящике. Из-за того, что мы не знаем, жив кот или мертв, мы просто-напросто говорим: кот и жив, и мертв одновременно. А у людей зачастую бывает так: можно одновременно и любить, и ненавидеть. Знакомо, не так ли?

Хорошо, вот рецепт квантового человека. Ингредиенты: просто человек, тяга к чему-то большему, разочарование, депрессия, еще один человек.

Сложнее всего оказалось найти Второго. Первым стал я, и, как сказал док никто другой им быть не мог. Я уже существовал, а вот Второго требовалось создать. Сотворить из газетных обрезков, фрагментов объявлений о вакансиях, кусков новостных лент и еще из чего-то, известного только нашему сумасшедшему ученому.

Это было невозможно – склеить ленту из кусков, собрать человека из разрозненных резюме, скрепить из обрезков газет полноценную статью. Но у дока получилось. И явился Второй.

Закатился в наш кабинет на инвалидной коляске. А что? Ему терять нечего. Он все равно поздоровается со Всевышним через год-другой. А послужить науке для великих целей – дело святое.

Ну круто. А он знает, что рисковать придется последним, что осталось не тронутым болезнью? Это чем? А это – головой! Тут он задумался на какое-то время, начал бормотать: мол, доктор сказал, что эксперимент требует неподвижности в лежачем положении по крайней мере полгода, и это вполне его устраивает. Так что он махнул рукой – ай, была не была – поехали! У дока в глазах сверкнули молнии, и Эксперимент начался.

Генетически мы оказались совершенно идентичны. Могли без риска обмениваться кровью, почками, сердцами и роговицами. Мы словно были однойцевыми близнеца-

ми, просто не похожими друг на друга внешне. Как наш ученый подобрал такую совместимость? Он ушлый докторишка, во врачебной ловкости ему не откажешь. Несколько знакомств в разных отделениях больницы сыграли немаловажную роль. Информацию о потенциальных донорах ему сливали в трансплантологии. Девочка из отдела кадров была тайно влюблена в дока, и он этим ловко пользовался, чтобы получать разные данные о кандидатах. Ну и так далее, и тому подобное. За три года док отобрал четырех претендентов. А потом появился пятый, и его инвалидность мгновенно все решила. Через месяц он стал Вторым.

Что есть великий научный эксперимент? Во-первых, это безумие экспериментатора. Но это лишь кажущееся безумие, каким его видим мы, простые обыватели. А для ученого это хоть и самый сложный, но поддающийся научному анализу расчет.

Во-вторых, это риск. Каким бы точным ни был расчет, всегда может пойти что-то не так. Почитайте хотя бы о законах Мёрфи. А когда что-то идет не так в экспериментах над людьми, то уж будьте уверены – риск тут неимоверный.

Ну, и в-третьих, великий эксперимент – это мужество признать свою неправоту, если полученные результаты пойдут вразрез с ожиданиями. Мужество принять крах того, на что положена вся жизнь.

Все эти три аспекта так или иначе возникли в нашем Эксперименте. Был ли он поэтому великим, судите сами. Вот как Музевич (это фамилия нашего ученого) описывал преамбулу:

– На первый взгляд, все очень просто. Берем двух совместимых доноров. Делаем каждому трепанацию

верхней части черепной коробки с открытием головного мозга, затем укладываем подопытных горизонтально, головами друг к дружке и осторожно стыкуем их головы. Аккуратненько! Смешиваем! Их! Мозги! Далее соединяем их черепные коробки, которые со временем срастаются в единую костную систему, и мы получаем один организм с удвоенным количеством всех, я подчеркиваю: ВСЕХ органов. Замечательно? Конечно! В случае выживания пациентов возникают очень интересные вопросы.

Сложно было найти Второго, зато первого искать не пришлось. Бывают такие периоды в жизни, когда согласен на что угодно. И не потому что в чем-то остро нуждаешься, нет. Просто тобой владеет безразличие ко всему на свете. Когда я познакомился с Музевичем, моя депрессия измерялась годами. Ей шел уже второй десяток. Я успешно презирал не только весь окружающий мир, но и себя самого, единственного и неповторимого. Хорошо хоть, не появилось желание покончить с собой, а то гнил бы давно в земле. Кто бы тогда строчил эти записки? А так вышла вполне пристойная история. Фантастическая история. Дикая.

Для меня она началась в далекой глубинке Кольского полуострова. Маленький городок, а точнее, поселок городского типа размером в несколько кварталов. Рудная шахта и перерабатывающий комбинат держали на плаву этот осколок могучей индустрии умершей страны. Но я родился и вырос там еще в те времена, когда на новеньких пятиэтажках развешивали красные плакаты с лозунгами, а на лицах поселян энтузиазм вырисовывал скуластые черты веры в светлое будущее. Это было хорошее и незамысловатое время. Возможно, культ труда кого-то

и не устраивал, но я был мелким пацаненком и не считал нужным думать о великом завтра, меня оно совершенно не волновало. Однако, прожив в этом городке и вообще на белом свете какое-то время, я начал замечать не только белый цвет, но и серые стены бетонных домов, окрас которых с годами безвозвратно линял и обнажал безутешную тоску оттенка цинковой ржавчины.

Отец пил много и по расписанию. Он возвращался из шахты после блока смен, молча садился за стол в маленькой кухне-клетушке, протягивал руку и доставал из шкафчика бутылку самогона неопределенного происхождения. Залпом выпивал граненый стакан этой мутной жидкости, запивал пивом из трехлитровой банки, лакая жадными глотками прямо из емкости. Потом съедал тарелку борща, порцию картошки с котлетами и повторял ритуал с граненым стаканом, с тем только отличием, что вместо полировки пивом закуривалась папироса. Отец дотягивал ее до самого конца, бросал окурок в пепельницу, тушил бычок густой светло-коричневой слюной, сплевывая ее смачно и зачастую с кашлем. Потом сгребал в охапку мать и тащил ее в спальню. Та молча сопротивлялась, но лишь слегка, для вида. Из-за двери доносился скрип матраса, кряхтение отца, его нарастающие проклятия, глухие удары в стену и дикий рык пьяного мужика, раздраженного чем-то мне, ребенку, непонятным. Я очень боялся: а вдруг этот зверь сейчас выскочит, накинется и станет душить меня огромными ручищами, сверкая безумными глазами и свирепо крича что-то нечленораздельное? Но всю ярость упившегося подонка принимала на себя мама, слабая, худенькая женщина со впалыми от усталости и разочарования глазами. После того как этот гад наносил ей последний удар, он возвращался на кухню уже удовлетворенный и неопасный. Мама покидала спальню позже, когда, проплакавшись

от обиды и унижения, она вновь становилась покладистой и тихой домохозяйкой.

Я ненавидел отца, но все-таки сильно расстроился, когда узнал, что его не стало. Тем летом он поехал к родне на Псковщину. Пил там неделю без остановки. В последний день этот кретин на спор прыгнул в наполненный зерном элеватор. На кону стоял ящик водки. Легкая добыча, подумал отец, и это была его прощальная мысль. Зерно, как зыбучий песок, приняло его в себя, приласкало и убаюкало, а потом перекрыло доступ кислорода. Фактически мой родитель утонул в хлебе.

Той же осенью у меня впервые случился так называемый сдвиг парадигмы. Это когда вдруг ни с того ни с сего мир со скрипом поворачивается вокруг оси и являет еще одну, ранее невидимую сторону. Не лучшую, не худшую, просто другую. А та, прежняя, становится ненужной, исчезает и стирается из памяти. Нас, третьеклашек, повезли на экскурсию в шахту. Она располагалась в нескольких километрах от поселка, на возвышенности, в то время как сам городок лежал в низине, рядом с большим озером. Поездка была интересной, но не это отложилось в памяти. Когда нас вывели из шахты, перед посадкой в автобус разрешили погулять на свежем воздухе. Я бродил по плато, пинал маленькие камушки и случайно вышел к небольшому склону, под которым тянулось шоссе. А под этим шоссе начинался еще более крутой и высокий обрыв, под которым лежал наш поселок. Дальше виднелись озеро и лес. Вид разворачивался очень живописный, и впервые меня ошарашила красота природы. А еще меня поразило тот факт, что это вдохновение настигло меня здесь, вблизи скучного и унылого поселения, где я провел такую серую жизнь. И вот же он – мой тоскливый городок, но с высоты он почему-то не кажется таким уж безотрадным. Скорее он напоми-

нал кукольные декорации, обрамленные сказочным озером и таинственным лесом.

Да, лицемерие просторов меня здорово воодушевило, но сам сдвиг парадигмы случился получасом позже, когда мы ехали в автобусе домой. Я сидел у окошка, смотрел вниз, на родной городок, к тому времени до чертиков опостылевший, и вдруг подумал: «Ведь не обязательно подниматься в горы, чтобы снова испытать то чувство возвышенности! Можно подняться гораздо выше, и тогда это место останется в памяти маленьким кукольным городишкой, куда я уже не вернусь. И хандра пройдет, и откроются новые горизонты! Кто сказал, что я должен провести всю жизнь именно здесь?» Серые улицы, помноженные на ненависть к отцу, привели меня к осознанному решению: покинуть родное гнездо. Это был первый шаг на пути к квантовому человеку.

Ну, что там еще было в рецепте? Депрессия? А как же! Я прожил шестнадцать миллионов минут, каждая из которых имела единственную цель – уничтожить меня! Любая могла это сделать. Пусть я еще жив, но когда-нибудь одна прекрасная минутка-выскачка станет последней. И я не успею с ней договориться – хлоп, минутка пройдет, а меня уже нет! Разве это не грустно? Разве не вводит в депрессию? Классический вариант с пониманием бессмысленности существования.

Но тут лодочка под названием «жизнь» дала крен, зачерпнула воды и поплыла немного по-другому. Я вычитал объявление об испытаниях нового лекарства от чего-то такого страшного. Нужны были деньги, и я пошел на собеседование. Мне не было страшно, не было безнадежно, не было даже интересно, что это за снадобье и какие

у него могут возникнуть побочные эффекты и осложнения. Мне было все равно, наверное, поэтому я прошел отбор и попал в кабинет с табличкой «Музевич А. Л.».

Антон Леонидович оказался весьма изобретательной личностью. Что-то он увидел во мне и снял с испытаний того препарата. Предложил участвовать в другом исследовании. Я далек от науки, поэтому не смогу описать все стадии Эксперимента с технической и медицинской стороны. Незадолго до того, как приступить к этим запискам, я получил доступ к компьютеру дока. Но все данные оказались зашифрованными, а подобрать пароль не получилось. Бумажных заметок ученый не вел. Все держал в голове и в файлах. Тогда это показалось весьма удобным в контексте сложившейся ситуации, и я бросил попытки вскрыть подробности Эксперимента. Зачем мне это, если я был центром событий?

Первые видения начались через неделю после главной операции. Мы со Вторым отошли от наркоза, и Музевич вводил нам дозы сильного обезболивающего. Можно было списать это явление на действие препарата, но что-то подсказывало: все не так просто.

Видения. Как сон наяву. Нет, не галлюцинации, сознание четко отделяло мои мысли от этого. Я видел чужие образы, но страха, который зачастую сопровождает глюки, не было и в помине. Поначалу я сравнивал это с миражом или с туманом, такой дымкой, заволакивающей пейзаж. Иногда легкий порыв ветра как бы приоткрывал картину, совсем немного, но достаточно для того, чтобы понять, насколько изображение на ней отличалось от привычного, земного. Простыми словами все равно не описать те ощущения, да так, чтобы они стали одно-

значно поняты, чтобы вы смогли влезть в мою кожу. Поэтому я и прибегаю к пейзажной аналогии. То, что мне приоткрывалось в видениях, было словно инопланетным пейзажем. Я понимал суть Эксперимента и поэтому догадывался, что видения были не чем иным, как эхом чужих мыслей. Мыслей Второго. Интересно, а он испытывал то же самое? Но пока что, под действием седативных средств, выяснять это было ох как лень. Тем более день на третий после начала видений я вдруг понял, что гораздо интереснее выяснить суть, не прибегая к словам. Непосредственно у Второго.

Вернемся к прошлому. Как могла женщина прокормить семью в шахтерском городке без мужа-шахтера? Конечно, она да я – невеликая тьма ртов, и мы не умирали от голода. Мать устроилась в продуктовый магазинчик, я прилежно учился в школе. Через какое-то время мама отошла от кошмаров замужества, начала дышать полной грудью, и в ее душе зародилась тяга к чему-то большему. Разумеется, это «большее» в основном затрагивало меня. В конце концов мама решила переехать в Ленинград, благо там жила ее двоюродная сестра, которая и помогла нам с первыми шагами в большом городе.

Поселились мы в большой коммуналке на Рубинштейна, спасибо тете Тате за подспорье. Меня устроили в хорошую школу на Фонтанке, у моста с башенками. Все было в новинку: город, школа, новые люди, мамин смех. И даже воздух тут был другим, не лучше, не хуже – просто дышалось на иной лад. Перспектива вырисовывалась очень интересная.

Однажды, вскоре после переезда, мы с мамой гуляли по центру. Остановились на стрелке Васильевского, спу-

стились к воде и наслаждались фантастическим видом. Я вдруг вспомнил родной поселок. Нет, вовсе не ностальгия меня тогда одолела. Я совсем не скучал по ушедшей жизни. Я подумал: «А где этот мой городок? Можно ли его отсюда увидеть? Будет ли он тут к месту?» Вспомнился день, когда нас повезли на экскурсию и я увидел поселок свысока. Тогда он показался мне таким маленьким и игрушечным. А сейчас, находясь у истоков великого, я понял, что малой родине тут совсем нет места. И даже если я попытаюсь целенаправленно вспомнить старую жизнь, то просто не увижу ее, даже в игрушечном виде. Вот насколько я стоял высоко! Намного выше, чем тогда, после экскурсии в шахту. Я как бы снова пережил озарение и сдвиг парадигмы и понял, что нужно двигаться только вперед и вверх. И кто знает, может, когда-нибудь даже это величие дворцов и набережных я увижу в игрушечном облике.

Через какое-то время мы со Вторым полностью пришли в себя. Нас сняли с обезболивающего, антибиотиков и прочей послеоперационной атрибутики. Хотя мы были облеплены кучей датчиков и прикованы к специальной кушетке, обеспечивающей нашу неподвижность, особого дискомфорта мы не чувствовали. Зудела макушка, а когда Второй говорил что-либо вслух, то начинала болеть голова. Прямо как у обычного человека, когда рука тянется к таблеткам, а опыт шепчет, что боль пройдет лишь после сна. Но когда Второй переставал говорить, боль чудом исчезала. Так же чувствовал себя и Второй.

Говорить приходилось много, потому как Музевич непрерывно задавал вопросы, в основном о наших ощущениях. Ответы он тут же вносил в компьютер, быстро

стуча по клавишам методом слепой печати. Интересный навык для человека его возраста, но наш ученый, как я уже говорил, был фигурой неординарной.

Я даже не знаю, как лучше описать момент, начиная с которого мы со Вторым «почувствовали» друг друга. Сначала я не обратил внимания, но потом услышал вдалеке чей-то голос, декламирующий стихи:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Ну вот, – подумал я, – Музевич кого-то позвал и хвастается своим экспериментом. Кретин!»

– Эй, Первый, – услышал я голос Второго. – Музевич привел кого-то похвастаться? Он что, сбрендил?

– Ну да, реально сбрендил, – ответил я, – раз поэта привел. Или такого же сбрендившего ученого.

– Почему поэта? – спросил Второй.

– Ну ты же слышал, там кто-то читал стишки.

– Нет, я слышал, как кто-то говорил, будто Музевич кого-то позвал и хвастается своим экспериментом, – медленно произнес Второй.

– Вьются тучи, мчатся тучи... – начал я воспроизводить по памяти. – Не слышал, что ли? Дальше про невидимку и луну...

– Э, стоп! – прервал меня Второй. – Это Пушкин. «Невидимкою луна освещает снег летучий». Я свою память тренирую, перечитываю про себя стихи.

– Ну да, которые в коридоре кто-то только что декламировал.

Мы замолчали. За дверью палаты стояла такая тишина, будто там никого и не было. Через минуту я снова услышал:

«Эй, пошел, ямщик!..» – «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело».

– Ну вот, он опять начал! – сказал я Второму. – Слышал?

– А что он сказал?

– Про ямщика что-то. Тот же стих.

– Слушай, Первый. Я только что мысленно прочитал две строчки. Из стиха «Бесы». А чуть раньше, пока ты меня не перебил, я начал читать его с начала, про себя.

Мы замолчали, никто не произнес больше ни слова. В коридоре не слышно было и шороха. И вдруг снова этот голос:

«Первый! Это я, Второй! Я мысленно... Первый! Это я, Второй! Я...»

«Замолчи! – так же мысленно заорал я. – Заткнись! Уйди! Это моя голова!»

В тот момент я дико испугался, словно увидел, а точнее, услышал привидение. Это было то, чего не могло быть, то, во что я не верил. На какое-то мгновение меня охватил первородный цепной ужас! Хотя разумом я понимал, что такой результат нашего Эксперимента и был, в сущности, его целью. Мы оба – и я, и Второй – ждали чего-то подобного.

«Это не твоя голова, – передал мне Второй. – Теперь это наша голова. Нужно привыкать».

Вот так мы и осознали, что Эксперимент удался. Наши нейроны постепенно начали смешиваться и выстраивать общие цепочки. На первых порах было непросто отли-

читать мысли Второго от внешних голосов, тем более что «голосил» он в моей голове не своим привычным тембром, к которому привык я, а тем, который он считал своим. Ведь понятно, что человек собственный голос воспринимает далеко не таким, каким его слышат окружающие. А Второй «вещал» в меня именно тем голосом, который он слышал сам. Тот же эффект возникал и у Второго, когда он «слушал» меня. То был ранний, примитивный канал общения. Мы, словно младенцы, обучались новому языку. Но впереди было множество еще более впечатляющих открытий.

Хочу отметить важный момент. Как только у нас со Вторым возникла безмолвная связь, мы решили по-временить и не рассказывать о ней Музевичу. Мы оба согласились с тем, что береженого бог бережет. Доктор и так мучил нас бесконечными расспросами, анкетами, картами самочувствия и прочими врачебными протоколами. Скажи мы ему, что начали общаться мысленно, ученый, конечно же, пришел бы в восторг, но завалил бы нас работой выше крыши. Док не осознавал того, что мы дико устали. Я уже не говорю о физиологических последствиях самой операции, пусть она и прошла с невероятным успехом. Тем не менее мы испытывали определенные, хоть и ожидаемые неудобства. Нам предстояло неподвижно лежать целых полгода, а то и больше. Чудо-кушетка, которую придумал Музевич, облегчала существование: электромассажи помогали отвлечься от неподвижности, и была еще уйма разных хитростей для нашей со Вторым пользы. Но несмотря на все хорошее, было очень тяжело. И физически, и морально. Поэтому мы со Вторым и договорились

(мысленно, конечно же) не открывать пока все наши козыри. А там проживем – увидим.

Со временем мы научились обмениваться реалистичными образами. Я мог, к примеру, представить себя плывущим в лодке по кристально чистому горному озеру. И Второй видел все то же самое, причем с теми же звуками, запахами, ощущениями. Это не походило на просмотр видео, совсем нет. Второй перенимал все чувства, как будто грезил не я, а он сам. Порой мы даже запутывались, чье воображение было изначальным, а кто был наблюдателем. Это было феерично, воистину, но мы даже и представить себе не могли, что ждет нас в будущем.

В своих заметках я описываю только положительные стороны нашего Эксперимента. Но это не значит, что отрицательных не было. Они были, но я не хочу о них широко распространяться. Лишь кратко, и закрою эту тему.

Во-первых, страх. Мы испытывали его подобие, когда решились на эту авантюру и ожидали операцию. Мы просто могли не выжить. Но я не выходил из депрессии. Второй понимал, что и так скоро умрет. Так что своего рода боязнь пусть и существовала, но страхом не являлась. Настоящий страх пришел потом, уже после того, как мы срослись головами: что случится после того, как все стадии Эксперимента завершатся? Разумеется, это обговаривалось еще до начала и мы знали примерный сценарий. Второй долго не протянет, а Музевич знал способ, как лишить его тела, сохранив голову и, что самое главное, – живой мозг, питающийся от моих легких и сердца. Тогда я, Первый, смог бы вновь подняться на ноги и восстал бы уже великим человеком, ибо при успехе Эксперимента

Музевич наконец придал бы огласке его суть, благо он документировал каждую деталь.

А пока мы лежали взаперти на цокольном этаже его загородного дома. Помещение было оборудовано по последнему слову техники, мы даже боялись представить, сколько денег вложил в этот проект Музевич. Или некие скрытые инвесторы, кто знает. Но этот вопрос нас не касался. С тех пор, как мы пробили телепатический канал, нас все устраивало. Мы были в предвкушении чудес грядущего. И чудеса шли одно за другим.

Мама умерла, когда я учился на втором курсе. Она не привыкла говорить о своих проблемах, ни тогда, когда ее бил отец, ни потом, когда у нее болело то тут, то там. Иногда она не выдерживала и выпускала из себя стон боли. Прижимала руки к животу, закрывала глаза и сгибалась пополам. Я кидался к ней и спрашивал: «Мама, в чем дело? Что случилось?» «Ничего, сыночек, – отвечала она. – Все хорошо! Сейчас пройдет!»

И я ей верил. Глупец! Я был слишком наивен и не мог заставить ее рассказать, что происходит. Не мог настоять на походе к врачу. Когда случился очередной приступ, ее отвезли на скорой в больницу, сделали анализы и констатировали, что метастазы повсюду. Необходимо срочно пройти химиотерапию. Но даже в этом случае ей останется от силы три месяца. Мама умерла через десять недель.

Я взял академический отпуск. Чтобы не заикнуться на одиночестве, переехал в квартиру к маминой сестре. Тетя Тата была еще достаточно молодой, и называть ее тетей было смешно, к тому же Татой, а не Таней или Татьяной, как в паспорте. Тетя Тата – слишком много «т»

в двух коротких словах, но так уж повелось, и я привык. Всего два года назад она вышла замуж за программиста.

– Можешь звать меня просто Серж, – сказал он при первом знакомстве, когда я попытался вставить «дядя» перед его именем.

Тогда мама еще была жива, мы гуляли у тети Таты и Сержа на свадьбе. Потом изредка встречались, в основном по праздникам, когда взрослые вливали в себя изрядное количество спиртного и становились неестественно радушными и приятными собеседниками. Тогда Серж показался мне прикольным и легким в общении.

Но, когда я переехал к ним после случившегося горя, мое мнение несколько изменилось. Нет, Серж был нормальным, вежливым, сочувствующим. Однако я заметил, что на самом деле он предпочитает общаться с компьютерной техникой, нежели с людьми. Он вежливо говорил: «Привет. Как дела?» Но потом ссылался на занятость и уходил в свою каморку, к лучшему другу – компьютеру, с которым у Сержа была прямо-таки сакраментальная связь. Выражалась она периодически цоканьями, чертыханьем и возгласами: «Да ладно... Я же именно так... Твою двадцать!» Если я с кем и общался, то лишь с тетей Татой, но большую часть времени проводил в своей комнате.

Именно в то время у меня и началась большая депрессия. Подозреваю, что она так и продолжалась годы спустя, периодически отступая, а потом снова накатывая. Город, уже переименованный из Ленинграда, но оставивший себе все величие и красоту, мне опостылел. Немногочисленные друзья быстро разбежались, когда я несколько раз отказал им в пьянках-гулянках. Странно, они знали о моей утрате, но отступились так быстро, что я сразу понял, какие это были «друзья». С девушкой я в то время не встречался. Оставались только Серж и тетя Тата. Они

сочувствовали, но не могли посвятить мне все свое время, они и так многим помогли. У меня была единственная подруга – депрессия. Как я мог идти вперед и вверх в таких условиях? Я застрял, и разум уже не понимал, на какую такую более высокую ступень я мог бы подняться, чтобы город Святого показался мне игрушечным?

Нашему ученому мы сказали, что иногда то меня, то Второго стали посещать какие-то странные размытые образы, визуальные, а иногда слуховые, напоминающие легкие галлюцинации. И мы подозреваем, что это, мол, образы мыслей друг друга. Музевич возликовал и составил программу новых опытов. Эх, знал бы он, чего мы уже добились со Вторым на тот момент!

Я всегда был человеком излишне сентиментальным. Любил вспоминать детство, самые ранние периоды жизни. Я помнил, как мать брала меня на руки, когда я плакал по каким-то уже забытым поводам. Помнил, как она качала меня и что-то напевала. Слова и мелодия стерлись из памяти, но я не забыл то спокойствие, которое приносил ее голос. Смех отца, когда он собирал раскиданные мной бумаги, над которыми он корпел ежедневно, печатая то, что мама называла взрослым словом «диссертация»... Стоп! Я не понял, какая диссертация? Мой отец всю жизнь был шахтером, свободное время посвящал пьянству и издевательствам над матерью. А тут – диссертация.

«Это мой отец работал над диссертацией», – просигналил Второй.

Опа! Выходит, я научился читать память Второго? А Второй – мою? Ну-ка, попробую, как я это сделал... Ага... Вот! Поехали!..

И тут в мою голову ворвались новые воспоминания, я понимал, что они не мои, но я именно так и почувствовал – это моя память! Это моя жизнь! Да, я понимал, что со мною ничего из этих воспоминаний не происходило, но я все помнил! И это были истинно мои воспоминания! Нет, не думайте, что мозг вдруг переполнился и полился за край. Просто мной овладело ощущение свежести, сродни тому, которое испытывает человек, пытающийся вспомнить что-то важное, но воспоминание куда-то спряталось, и как человек ни старается, он не может вспомнить. Час, два, три часа попыток ни к чему не приводят, человек разочарованно ложится спать, а наутро без всякого напряжения воспоминание приходит само, и в голове при этом возникает ощущение такой свежести, легкости. Вот и с нами произошло нечто подобное – как будто каждый вспомнил что-то важное, размером с целую жизнь, и теперь мы могли переживать любое прошлое событие так, будто оно было собственным. При этом мы четко разделяли воспоминания и понимали, какое из них свое, родное, а какое – напарника по Эксперименту.

Поначалу мы пытались ставить блоки, свято веря в понятие личного пространства, но потом решили, что это и есть суть Эксперимента – слить два разума в один. И сливать их надо полностью, как только возможно. Иначе в чем интерес? Но мы договорились и о другом: став единым мозгом, мы все равно должны остаться двумя личностями. И объединение воспоминаний доказало, что это возможно: и первое наше решение, и второе. Музевич, естественно, об этом ничего не знал.

Доктора страшно огорчало, что образы, которыми мы обменивались со Вторым, оказывались слишком блед-

ными. Естественно, по той версии хода Эксперимента, которую мы озвучивали для ученого. На самом деле мы уже осваивали сны друг друга... О да, это было невероятно! Я об этом еще расскажу, но сейчас вспомнился один приятный опыт, который осуществил Музевич, чтобы нас «растормошить».

Короче, он решил бороться со «слабостью» нашего обмена мыслями. По логике доктора, обменные образы можно сделать ярче, если эмоции во время опыта будут неимоверно острыми. И что же предпринял наш док? Сюрприз! Музевич нанял двух профессионалок. Да-да, именно секс он назначил как «острую эмоцию». И знаете, мы совсем были не против. Док разделил лабораторию пополам специальной перегородкой. В одной половине оказался я, а в другой – Второй. Потом скрыл нам головы каким-то замысловатым кожухом с солнцезащитными зеркальными стеклами. Это чтобы мы видели происходящее, а сами оставались как можно более скрытыми. На виду оказались одни туловища. Войдя в одну из половинок помещения, несведущий человек и не догадался бы, что здесь происходит. Просто он увидел бы тело мужчины на кушетке с закрытой головой.

Наверняка Музевич наплел проституткам правдоподобную историю о том, что здесь лежат VIP-персоны, которые проходят курс чего-то там, курс длителен, и поэтому VIP-персоны пожелали... ну, сами понимаете чего. Одну девочку он впустил в мою половинку, другую – ко Второму. Ну и когда они умелыми ручками... и не только ручками... начали делать свою работу... Да, сначала было весьма приятно, однако ничего удивительного. Но когда я мысленно открыл эмоции Второму, а сам попытался заглянуть в его... Господи, вот тут началась такая феерия! Я думал, что да, будет приятно, и подозревал, что если эмоции сольются, то приятность

эта усилится раза в два... но такого мы не ожидали! Эмоции не удвоились и даже не утроились... они просто взорвались! Умножились раз в десять, если не больше! Опять же, такие вещи невозможно описать словами, но судите сами: я, человек с обычной половой активностью, за три часа этого наимприятнейшего опыта достиг точки разрядки пять раз! Не знаю, может, для кого-то это и норма, но только не для меня, потому что в обычной жизни ни одна женщина не могла довести меня даже до двух оргазмов. А тут пять! И Второй столько же. И что самое интересное, хоть и ожидаемое, – пока длился опыт, у нас со Вторым все было полностью синхронно.

Однако Музевичу мы доложили, что ничего экстраординарного не произошло. Мы якобы так и не поняли, что доктор подразумевал под слиянием эмоций. Множественные эякуляции? Что ж, видимо, от долгого воздержания и от удачного выбора красавиц. Синхронность? Ну, звукоизоляции-то не было. Да и девушки понимали, что работают в паре, наверное, им тоже было забавно. Мы высказали доктору наше коллективное «спасибо», но тот был разочарован и задумчив. Было немного его жаль, но мы со Вторым строго придерживались выбранной политики.

Сны. Пожалуй, это был самый вдохновляющий опыт. Долгое время после операции сны почему-то к нам не приходили. Где-то я слышал, что сновидения есть всегда, просто они забываются вслед за пробуждением. Однако вряд ли это касалось нас с Вторым. Если бы он видел сны, я бы почувствовал. Пусть я не знал, как это должно выглядеть, но уверен, что понял бы сразу.

Снов у нас действительно поначалу не было. Когда Второй засыпал, мне казалось, что он как бы выходил из комнаты, в которой мы находились вдвоем. Да, некая воображаемая комната является самой близкой аналогией нашей ситуации. Второй засыпал, выходил из этой комнаты, и мне становилось зябко и одиноко. Комната становилась пустой, мой голос плодил в ней угрюмое эхо, обреченное умереть без ответа. Но однажды...

Однажды я проснулся, освободившись ото сна без сновидений, и тут же оказался в лесу. Весело щебетали птицы. Скрипели, слегка пошатываясь, высокие деревья. Легкий ветерок волновал их кроны, а те в ответ ласкали лазуритовое небо. Чувствовался особенный запах, смешанный из легкого аромата только начинающих пробиваться грибов и влаги, означающей, что где-то недалеко спряталось небольшое озеро. Все это так напоминало райский уголок. Спокойствие и умиротворение разливались по моему телу. Я знал, что не сплю, потому что отчетливо представлял реальность, помнил все детали Эксперимента и связь со Вторым. Я был в нашей воображаемой комнате, один, без Второго, который спал и... видел во сне этот лес. Лес, в котором находился и я!

Кадр сменился. Передо мной предстал старый могучий дуб. На его стволе идеальным кругом вырисовывалось дупло эдакого мультяшного вида. Того и гляди из него сейчас появится мультяшная сова, но... Внезапно все исчезло, осталась только наша комната, и я в ней был уже не один.

– Мне снился какой-то сон, – спустя минуту выдавил из себя Второй осипшим голосом. – Я был ребенком, на даче, куда родители каждое лето меня вывозили. Потом я оказался в лесу, а там...

«Там ты увидел большое дерево с дуплом», – просигналил я Второму.

«Да», – мысленно ответил он.

Таким же образом Второй смотрел и мои сны. Я понимал, что для него они намного интересней и важней. Все потому, что я в своих сновидениях был на ногах! А он, Второй, – инвалид, который почти всю жизнь провел в коляске, – воспринимал это как чудо! Ведь мои сны были и его собственными. Я ходил, бегал, плавал... и одновременно дарил это Второму. Дарил то, что он не мог испытать в настоящей жизни. Но фокус был в том, что для меня и Второго сны являли собой неподдельную реальность. Не знаю, как в точности объяснить, но Второй не просто смотрел сны и чувствовал, как я хожу, бегаю или плаваю. Второй именно ходил, бегал и плавал!

Возможно, сильные переживания о снах и подтолкнули Второго к следующему логическому шагу. Вот что Второй позже мысленно рассказал об этом: «Мне просто захотелось побывать там, куда всегда мечтал попасть. Большой Барьерный риф. Я много читал о нем в свое время. И с горечью сожалел, что если мне и повезет там оказаться, то все равно я не смогу насладиться красотами тамошнего подводного мира. А так тянуло! Погрузиться в глубь этой сказки, наслаждаться пейзажем и подводной невесомостью! Знаешь, Первый, сегодня ты уснул без каких-либо сновидений. Вид затуманило коричневой дымкой, и ничего не происходило. Ты просто сидел во сне, окутанный этой дымкой, и ни о чем не думал. Простой нулевой сон, ну ты понимаешь. И я решил помечтать, как с аквалангом погружаюсь в Большой риф, как парю между дном и поверхностью моря... И вдруг я почувствовал, что уже не фантазирую, то есть мозг не прикладывает никаких усилий для того, чтобы создавать картинки подводного мира. И тут я понял, что смотрю твой сон, Первый! Тебе снилось погружение с аквалангом! Я понял,

что своей фантазией породил сон, который снился именно тебе, Первый! И я смог этот сон наблюдать!»

«Значит, получается, – мысленно ответил я, – что ты научился управлять моими сновидениями. Я слышал, что человек может делать подобное со своими снами. В них спящий осознает, что все вокруг – лишь сон, где он хозяин и бог и может делать все, что пожелает. Может летать, перемещаться в пространстве и времени без преград, творить чудеса».

«Ага, – мыслил Второй. – А многие банально с помощью этой техники удовлетворяют свои сексуальные фантазии. Я тоже читал об этом».

Вскоре и я научился управлять снами Второго. Переживать их как свои. Это было головокружительно! Мы не только летали и обладали всем, чего только желали. Мы были богами в своем мире! Мы проживали жизни в разных ипостасях. Мы были царями великих государств, а потом рабами на галерах, которые восставали против хозяев, становились пиратами, бороздящими моря и океаны. Мы грабили богатых и помогали бедным. Мы колонизировали другие планеты и превращали их в цветущие сады. Мы спасали гибнущие цивилизации. Мы были в раю... и вдруг у Второго отказало сердце!

Это случилось, когда я спал, а он «смотрел» мой сон. Я не чувствовал его боль. Он почти сразу потерял сознание, чего я тоже не почувствовал, ибо сон был глубокий и увлекательный. Музевич в тот момент находился недалеко, датчики известили: что-то не в порядке с пациентом номер два. Доктор хоть и не был реаниматологом, но знал, что делать, ведь он готовился к подобным событиям. Он ввел Второму какой-то препарат, и это сразу

помогло. Не потребовался даже разряд, столь любимый в медицинских сериалах. У Второго случился инфаркт средней тяжести, и мы поняли: это лишь первый сигнал. Мышечная дегенерация, сделавшая из Второго инвалида, стала подкрадываться к таким органам, без которых физическое существование невозможно. Например, к сердцу. Оставалось надеяться, что у нас достаточно времени для завершения Эксперимента.

Вероятно, в детстве меня прокляли. Всю жизнь я вынашивал в подсознании эту мысль, и когда она подтвердилась, лишь горько усмехался и принимал это проклятие как должное.

Смотрите сами. Началось все с отца. Я уже описал, как он умер не своей смертью. Да, он был тем еще подонком по отношению к маме и часто по отношению ко мне. Но стоит отдать ему должное – изредка он проявлял отцовские чувства: дарил подарки на праздники, порой убогие, дурацкие и ненужные, но мама говорила, что дело не в самом подарке, а во внимании, которое отец хоть и редко, но уделял мне. Иногда на него нападала какая-то кипучая деятельность. Он брался за ремонт нашей махонькой квартирки. Руки у него, что ни говори, росли из нужного места. Как-то раз он притащил домой кучу деревянных ящичков и разобрал их на дощечки. Дощечки отшлифовал и обшил ими стены кухни наподобие сауны. Тогда это было очень модно. Он даже сделал несколько полок в том же стиле, и кухня стала неплохо выглядеть. Я помогал отцу чем мог, а он учил меня основам плотницкого дела. Но таких моментов было крайне мало. Большую часть свободного времени отец посвящал алкоголю. Когда он погиб, я и начал догадываться, что проклят.

Потом умерла мама. Помня о проклятии, я взял психологическую ответственность за ее смерть на себя, что сыграло главную роль в истории с депрессией. Умом-то я понимал, что это неправильно, но не предпринимал ничего, чтобы избавиться от хандры. Депрессия не была для меня болезнью. Я воспринимал ее как необходимую ношу и расставаться с ней не собирался. Как можно расстаться с неотъемлемым атрибутом памяти о родителях? Это как уничтожить альбом с их фотографиями. Я не мог себе этого позволить!

После того как не стало мамы, я жил у ее сестры, тетки Таты. Учился в институте, весьма неплохо. Мог бы стать инженером, работать в каком-нибудь конструкторском бюро, получать твердую зарплату. Со временем я бы женился, остепенился, и жизнь наладилась бы. Только мысль о проклятии постоянно сверлила мозг, перечеркивая благие планы. Я чертыхался, плевал через плечо, но ничего не помогало.

Однажды тетя Тата легла в больницу. Обычный случай – что-то с венами в ногах. Прямо во время операции ее сердце остановилось. Завести его снова не удалось. Возможно, анестезиолог что-то напутал или не учел аллергических осложнений. Тети Таты не стало. Через месяц ей исполнилось бы всего сорок три.

Серж несколько недель сходил с ума. Он и до смерти жены был немного не в себе, но то состояние явно связывалось с работой – что-то у него не получалось в отношениях с любимым компьютером. Теперь Серж свихнулся окончательно. А я вспомнил о своем проклятии, еще раз убедился в его неизбежности и продолжил нести это бремя, ставшее еще увесистей.

Все последующие события в рамках Эксперимента были сосредоточены вокруг «ухода» Второго. По сути, доктор готовился к ампутации. И ампутировать требовалось ни много ни мало целое туловище. Музевич не посвящал нас в технику хирургии, справедливо считая, что дилетантам незачем забивать головы кровавотехническими подробностями. Он лишь намекнул, что успех возможен, хотя вероятность благополучного исхода ниже пятидесяти процентов. «Насколько ниже?» – спрашивали мы. «Ну... намного», – честно отвечал он, не называя точных цифр.

Впрочем, нам было все равно. Конечно, инстинкт самосохранения работал. Однако Второй смирился со своей участью еще до Эксперимента, он был готов отчалить от уютной пристани нашей реальности. А я... а что я? Я тоже давно смирился с проклятием, когда все близкие уходили в небытие. Скоро уйдет и Второй. А за ним – я, и это казалось таким логичным и неизбежным, что страх наихудшего исхода попросту отсутствовал. Эксперимент удался. Музевич к этому времени уже знал почти все подробности слияния наших мозгов. Он мог успешно повторить Эксперимент и на других подопытных. С точки зрения хирургии, это был успех, даже если при разделении тел мы погибнем. Издержки передовой науки, так сказать... Но хирургия мало волновала Музевича. Цели Эксперимента были несколько иными, чем успешное срастание голов. А о достижении истинных целей наш ученый даже не подозревал.

Вскоре после смерти Таты ушел из жизни и Серж. Его нашли в ванне уже окоченевшим. Вода приобрела вишневый оттенок. Глубокие надрезы по венам на обеих руках. Несколько пустых упаковок из-под снотворного. Для гарантии не хватало револьвера и дырки в голове. Но кровопускания и таблеток хватило. Дядя Серёжа – как еще одно подтверждение моего проклятия. А чего еще было ожидать? Конечно, я понимал трагедию их семьи. Можно долго рассуждать о несправедливости, но это ни к чему не приведет. Да, Серж и тетя Тата любили друг друга, у них была нормальная семья, за исключением того, что они никак не могли завести ребенка. Неужели это справедливо, что судьба с ними так обошлась?

Но я думаю, что справедливость – это нечто придуманное, несуществующее. Какая может быть справедливость в рамках бесконечного движения атомов и молекул, составляющих мир? Они просто носятся, сцепляются и расцепляются по химическим законам, и все. При чем тут справедливость? Попробуйте убедить атом углерода в том, что он поступает плохо, когда соединяется с атомами кислорода, образуя сложную химическую цепочку, которая будет ущербна в общем коде ДНК и, возможно, станет причиной возникновения рака у кого-нибудь, хотя бы у моей матери. Сумеете убедить атом? Ну тогда, возможно, справедливость и существует. Но я за такое не возьмусь, поэтому и считаю, что справедливость – это фикция. В мире нет ни добра, ни зла. Есть только ряд событий, и все. И то, что я сижу и пишу эти строки после успешной операции в конце нашего Эксперимента, как вы наверняка уже поняли, вовсе не является вселенской справедливостью, компенсирующей мое проклятие жизни. Это проклятие тоже есть не что иное, как ряд

обычных событий, идущих друг за другом. Просто броуновским движением атомов. Все очевидно. Лишь человеческий разум с этим не согласен и придумывает различные понятия для того, чтобы существовать в этом слепом мире было не так страшно. Вот, например, разум и придумал нечто, называемое «справедливостью».

Кстати, то, что я сейчас пишу, – не мои соображения. Точнее, и мои тоже, но, по сути, – наши общие со Вторым. С некоторого времени мы перестали следить за индивидуальностью мыслей или чувств. А раньше мы неосознанно приклеивали ко всему, что вырабатывал наш общий разум, маленькие ярлычки – это «мое», а то – «его». Но со временем общие нейронные связи настолько сплелись и окрепли, что стало не важно, чья половина общего мозга родила ту мысль, а чья – эту. При этом каждый из нас оставался отдельной личностью. Мы не путали образы, сны, воспоминания. Да, мы легко могли в них погрузиться, как в свои, но на задворках мыслительной деятельности всегда оставалось понимание того, что «это – я, а это – не я!». Да, несомненно, это понимание гасло с каждым днем, отодвигалось в сторону, словно бесполезный рудимент, но оно оставалось, и я считаю это важным моментом.

И в то же время я был им, а он – мной. Я испытывал его физическую боль как свою. Я чувствовал его ужас перед неизбежным и мысленно убеждал Второго, что стыдиться тут нечего. Все боятся смерти, ведь это заложено в саму природу человека. Я воспринимал его опасения как свои, усиливал их собственными переживаниями, и рождался уже самый настоящий страх, и Второй перенимал его обратно к себе. Возникал резонанс, и мы постепенно, неосознанно образовывали единый эмоциональный фон. И это был тоже один из невероятнейших опытов. Потому что не только страх довлел над нами. В этот опыт вклю-

чались и положительные чувства. Например, простейшие эмоции от просмотра хорошего фильма не просто складывались и получались двойными. Влияя друг на друга, чувства получались по силе в десять, а то и в двадцать раз эмоциональнее индивидуальных. Иногда казалось, что мы были властны усиливать чувства до бесконечности! Наверняка это плохо влияло на сердечную деятельность Второго. А может, и наоборот – благоприятные переживания продлевали ему жизнь. Кто знает?

Незадолго до того, как жизнь Второго подошла к концу, мы поняли, что, в сущности, стали единым разумом. Мы могли сорвать все ярлыки индивидуальности с каждой нашей мысли, с каждого воспоминания и стать одним целым. А могли остаться отдельными личностями, но при этом, как ни удивительно, все равно быть целостной сущностью. Мы полностью владели нашим общим разумом и так же полностью владели разумами друг друга. Мы одновременно были и самими собой, и единым существом. Именно тогда Второй придумал понятие квантового человека. Наш разум был одновременно в двух состояниях – и в едином, и в самостоятельном. Да, весьма обидно, что я не могу простыми словами описать это состояние так, чтобы оно стало понятным. Для этого нужно побывать в нашей шкуре, а это невозможно. Еще один квантовый парадокс...

«Первый?»

«Да?»

«Я ухожу. Похоже, это началось! Держи...»

Больше никаких слов он мне не передал. Сначала все тело на миг заполнилось острой болью. Она нигде не сосредотачивалась, но была везде – и в груди, и в руках,

и в ногах. Так продолжалось секунды две, а потом боль исчезла.

Быстро! Нужно сконцентрироваться на Втором! Я понимал, что он умирает, и все, что требовалось, – удержать его. Да, пусть тело Второго обретет смерть, но я знал, что его разум, все мысли, воспоминания и чувства можно сохранить в себе. Будет ли этот набор целостной личностью – разберемся потом. А сейчас главное – держать!

Но к такому я, честно говоря, готов не был. Уход Второго длился не более минуты, однако за это время я будто бы прожил всю жизнь. Его жизнь. Вероятно, умирающий мозг в панике выплеснул все имеющиеся нейромедиаторы типа серотонина, дофамина и тому подобное, теорию я знаю лишь со слов нашего доктора. А еще доктор утверждал, что это как передоз при употреблении наркотиков, но сильнее в тысячи раз. Это то состояние, из которого нет возврата. Ученые так и спорят – кто-то говорит, что это и есть вечное блаженство, другие уверяют, что это просто конец киноленты, но их споры не могут окончиться чьей-то правотой, ибо оттуда никто не возвращался. И никто не способен проникнуть хоть на мгновение в мозг умирающего. Никто, кроме разве что меня! И я как раз воспринимал все, что чувствует умирающий мозг Второго!

Как бы это описать? Разум Второго будто начал непомерно раздуваться. Из головы он превратился в воздушный шар, потом в целый дирижабль. И внутри этого огромного пространства вдруг разом ярко вспыхнули маленькие огоньки, каждый из которых представлял собой короткое воспоминание из жизни, какую-то мысль или чувство. И само «я» Второго было здесь, оно упивалось теплотой этих огоньков. Думаю, это как бы сродни воспоминаниям всей жизни, только не последовательно,

как любят описывать те, кто якобы вернулся с того света, а одновременно. Да, Второй вспомнил всю свою жизнь, причем в одно мгновение он был и ребенком, и взрослым, и тем самым Вторым, которого знал я. Многие из этих воспоминаний я уже пропускал через себя, пока длился Эксперимент. А многие были незнакомы. Думаю, Второй их успешно забыл, а вот теперь они явились незаметно хранившиеся в уголках подсознания. Здесь были даже воспоминания о самых первых днях, когда он сливался с матерью в минуты кормления. Время исчезло. Все застыло в вечности, каждое воспоминание можно было лелеять сколь угодно долго. И еще я помню чувство полной умиротворенности, как будто он, Второй, вернулся в отчий дом после бесконечных и бессмысленных скитаний. Учтите, все, что я описываю, испытывал Второй, но я пережил это вместе с ним так, как и положено было двум разумам, слившимся воедино. Я точно так же умирал и испытывал все чувства Второго.

Нет, пресловутый туннель не появился. В конце концов я увидел самого Второго. Он мне представился в белом костюме, абсолютно здоровым, стоящим на своих ногах. По его взгляду я понял: он хочет что-то сказать. Глаза его искрились такой выразительностью, что я подумал, будто знаю, о чем он мне сейчас поведает. Но он молчал. Знал, что я ощущаю все то, что и он.

Вдруг возникло нечто, неподвластное моему пониманию. Как будто Второй начал переживать то, что мне уже не может быть доступно. На его лице отразилось недоумение, а потом Второй просто исчез. Раздался звук лопнувшей гитарной струны, звук этот начал заполнять всю Вселенную. Последнее, что я понял, – это то, что Второго не стало. Пускай его мозг физически оставался живым, но самого его не было. Исчезла его сущность. Его «я». Душа, если угодно... а огоньки остались... но тут меня на-

крыло небытие – это врач вколол анестезию, начав операцию по разъединению тел.

Очнулся я на следующий день, ничего не соображая. Впереди было еще несколько операций, нацеленных на то, чтобы во мне от Второго осталось лишь то, что удалить невозможно, – его мозг. Все остальное вырезалось безжалостно. В те дни и недели я ничего не понимал, ничего не чувствовал, ничего не запоминал. Это был туман, проникший в том числе и в разум. Я был под действием наркотиков, каждый из которых имел заумное фармацевтическое название, но суть от этого не менялась. Я лишь помню, как изредка пробуждалось сознание – вспышками света. Эти пробуждения были очень болезненными и неприятными, поэтому я предпочитал сразу отключаться. Жив ли во мне Второй или нет – думать не хотелось. Подсознание уверяло, что мучения пройдут, останется физическая боль и она уже не помешает ответить на все вопросы. Только это будет потом, а сейчас... прыг в уютное небытие! Снова и снова!

Вероятно, пока мы со Вторым служили целям Эксперимента, Музевич составил схему наших сросшихся мозгов. Он использовал и УЗИ, и МРТ. С технической точки зрения, как я уже говорил, лаборатория была оборудована по высшей категории. Но даже если док и состряпал какую-то схему, она ему мало что дала. Истинный успех Эксперимента мы от ученого скрывали. Для него самый успешный опыт был, когда одному из нас выдавали карточку с написанным словом, Второй его проговаривал

про себя, а я называл вслух. Причем мы со Вторым намеренно портили статистику успехов так, чтобы она не превышала одной трети, то есть мы «с трудом угадывали» лишь каждое третье слово. Когда Музевич решил перейти на образы, то есть вместо текста на карточках были нарисованы предметы, мы со Вторым решили провалить этот опыт на сто процентов. И мы его провалили. Вот и все, что я хотел сказать о вовлеченности Музевича в истинную картину успеха Эксперимента.

Почему мы так поступали? Сначала из осторожности и, как я уже писал, ради того, чтобы нас поменьше мучали. В то время мы еще испытывали сильные периодические боли, дискомфорт и, как следствие, – раздражение. Мы ругали все и вся – начиная от кровати, в которой лежали, и кончая вообще идеей этого дурацкого эксперимента. Мы вымещали свою злость на Музевиче и на его помощниках, не боясь наказания. А как нас накажут? Урежут рацион питания? Пожурят и поставят в угол? Нам было на это плевать, мы тогда только-только открывали возможности слияния разумов, и наша грубость по отношению к окружению была сродни естественным человеческим забавам. Мы огрызались как обычные люди, умом понимая, что не такие мы и простые.

Музевич сам по себе был неплохой человек. Но он, как и все великие ученые, жил одной только наукой. Для него главным являлось открытие, а что за ним кроется и как его могут потом использовать было делом десятым. Это как ученые-ядерщики, открывшие расщепление атома. Разве могли они прогнозировать Хиросиму?

А мы со Вторым именно в таком ключе и стали мыслить с определенного времени. Я думаю, мы поступали правильно. Если Музевич обнарудует шокирующие результаты Эксперимента – не замаячит ли на горизонте науки вторая Хиросима? Мы со Вторым боялись чего-то

подобного и решили, что лучший способ помешать обнародовать результаты Эксперимента – это лишить Эксперимент каких-либо значимых результатов. Вот и все! Элементарно.

Когда я отошел от наркоза и боли, начал заново учиться ходить. Голова стала похожа на вертикально поставленное огромное яйцо. Музевич подобрал парик, немного сглаживающий этот эффект. Он хотел, чтобы я спокойно смотрел в зеркало. Но в зеркало я не смотрел. Мне было наплевать. Пускай в моей медицинской карте напишут, что я страдаю водянкой головного мозга!

Вернулась депрессия. Я понял, что не смог удержать Второго. Он исчез. Нет, мозг его жил в моей голове, объема легких хватало, чтобы он питался кислородом. Правда, я стал дышать с повышенной частотой и средний пульс увеличился раза в полтора, но меня это не волновало. Я потерял Второго. Хотя все его воспоминания, мысли и идеи остались в моей... нашей голове. Но они были сродни мертвой картотеке – вся информация передо мной, но личности нет. Я пытался звать его, ворошить наш двойной мозг, надеясь, что он просто спит, – но все без толку. Свеча погасла, остался лишь огарок, и вместо души Второго, которую я чувствовал все время, пока длился Эксперимент, осталось лишь холодное ничто.

Я даже последовательно компоновал его воспоминания, тем самым как будто проживал его жизнь. Но это не отличалось от просмотра кинофильма – воспоминания будили эмоции, но эти эмоции были сугубо моими. Настоящий его голос больше не присутствовал в моей голове.

Музевичу я сказал в общем-то правду – Второй умер. Но я соврал о том, что якобы не чувствовал, как он уми-

рал. Сослался на то, что ничего не помню из-за анестезии. Охарактеризовал Эксперимент как ничего не давший, только лишь показавший, что пересадка мозга возможна, но она бессмысленна. На этом Эксперимент завершился. А потом, когда я смог ходить и держать голову прямо, я намеренно исчез с горизонта Музевича. Ушел из его лаборатории, ушел потом из своего дома. Сменил телефоны, фамилию и даже имя. Но это уже вряд ли кому-нибудь будет интересно. Вот и все.

Ах да, еще один момент. Как я написал, воспоминания Второго хранятся во мне. Чтобы их не потерять, я все время обращаюсь к ним, активирую, если можно так выразиться. Я как будто смотрю фотоальбом Второго, и он на какое-то время оживает во мне. Не по-настоящему, конечно, но кто знает – а вдруг случится чудо и он вернется в мою голову? Как будто совершив большое путешествие, устанет и вернется. Вероятность мала, но я надеюсь. Вот одна из «фотокарточек» Второго, одно из его воспоминаний, которое хранится во мне. Пусть в конце этих записок Второй хоть на мгновение обретет свой голос.

Второй

Нет, я не обижаюсь на жизнь. Я ее простил за все преступления еще в детстве. Когда меня зачинали, произошел какой-то сбой генов, и все пошло коту под хвост. А что у кота под хвостом? Ну да, именно туда и пошла моя жизнь.

Мать говорила, что она помнила момент, когда я научился ходить. Все было великолепно. Еще мгновение назад я держался за тумбочку – и вдруг пошел. Сделав несколько шажков, я плюхнулся на то, что у кота под хвостом, а мама при этом счастливо залилась смехом. Сгребла меня в охапку и закружилась в танце, словно

я был наигалантнейшим кавалером. Миопатия проявилась чуть позже.

Вкратце вот как: мои мышцы пришли к выводу, что уже достаточно послужили хозяину, шутка ли – больше трех лет! Именно так они решили и стали исчезать. Их место занимали другие ткани, в основном – жир. Начали слабеть конечности, потом они постепенно перестали слушаться меня, и все – я стал инвалидом-колясочником. Пройдет еще немного времени, и откажет сердце – оно ведь тоже мышца. Или перестанут сокращаться легкие, и я банально задохнусь. Варианты есть, и все они удручающие.

Наш доктор уверяет, что после смерти моего тела он сможет сохранить мозг. Я превращусь в некое подобие головы профессора Доуэля. Если так произойдет, то вот в чем вопрос: останусь ли я в виде своего «я» или на основе меня и Первого родится новый разум? Какая-то новая личность? Если мозг останется жив, буду ли это Я? Вот такие вопросы меня волнуют последнее время.

Я придумал название нашему объединенному разуму – квантовый человек. Я думаю, что Первый станет таковым после моей смерти-несмерти. Ведь тогда уже невозможно будет однозначно сказать, кто он – Первый или Второй? Или одновременно и Первый, и Второй? Налицо будет квантовая неопределенность. А мне лишь остается верить в то, что мой разум хоть в каком-то виде останется в рамках нашей реальности. Но и это тоже не определено. Все так запутанно...

P. S.

Спустя год после окончания Эксперимента Музевич так и не обнаружил результаты. Конечно же, сама законность опыта всегда стояла под вопросом, но, видимо, доктор надеялся на то, что сей аспект не будет учиты-

ваться в свете великих открытий. Однако великих открытий так и не произошло.

Вчера я наткнулся на заметку в ленте происшествий: сгорел один загородный дом. По описанию и местоположению это была наша лаборатория. Тем более в заметке было сказано, что в доме был оборудован врачебный кабинет. Обнаружен труп. Экспертиза установила, что это было тело владельца дома – доктора Музевича А. Л.

Проклятие?

P. P. S.

Второго так и нет...